

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2021.35.60.013

Специфика понятия «языковая картина мира» в экзегетике Священного Писания

Горбунов Сергей Николаевич

Магистр богословия, старший преподаватель,
кафедра библеистики, богословия и философии,
Нижегородская духовная семинария,
603001, Российская Федерация, Нижний Новгород,
ул. Похвалинский Съезд, 5;
e-mail: ua3tjc@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается одно из важных понятий современной библеистики. Так как понятие «языковая картина мира» наиболее разработано в рамках лингвистики, то в статье уделяется внимание многим лингвистическим аспектам этого специфического понятия. Автор говорит об истории появления этого термина и о дальнейшем его развитии в качестве научного понятия в современных направлениях когнитивной лингвистики. В статье обращается внимание на функциональную составляющую языковой картины мира. Из достаточно широкой парадигмы вариантов языковой картины мира автор выбирает те варианты, которые наиболее актуальны для экзегетики. Перспективность использования данного понятия в библеистике обусловлена тем, что тексты Священного Писания отражают языковую картину мира через взаимодействие трех главных пространств – семантического, семасиологического и концептуального, каждое из которых имеет свои особенности и может анализироваться посредством прикладных лингвистических методов. В качестве примера анализа языковой картины мира в статье разбираются языковые аспекты одного из евангельских чудес.

Для цитирования в научных исследованиях

Горбунов С.Н. Специфика понятия «языковая картина мира» в экзегетике Священного Писания // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 4А. С. 94-102. DOI: 10.34670/AR.2021.35.60.013

Ключевые слова

Картина мира, языковая картина мира, лингвокультурология, идиоэтнический подход, семантическое пространство, семиотическое пространство, концептосфера, концепт «любовь», символ, исцеление прокаженного.

Введение

Библеистика как современная наука должна находиться в постоянной связи со множеством смежных областей прикладного научного знания. Эта связь особенно актуальна для решения экзегетических проблем текстов Священного Писания. Важнейшей смежной наукой для экзегетики можно смело назвать лингвистику. Рассуждая об этом, известный российский филолог и библеист А.С. Десницкий заметил: «экзегетика без лингвистики неизбежно превращается в импровизацию и фантазию» [Десницкий, 2011]. С одной стороны, означенная мысль является отражением практической стороны проблемы: поскольку объектом исследования является письменный текст, то основной арсенал средств его изучения лежит в лингвистической области. С другой стороны, библеистика пользуется готовыми методами исследования прикладной лингвистики и не ставит целью их теоретическое осмысление. Данное обстоятельство может приводить к тому, что некоторые модели лингвистического исследования в силу их теоретической сложности игнорируются, а терминологическая база используется как внешний научный тезаурус.

Очевидно, что экзегетика в своем понятийном аппарате должна, как и любая наука, отходить от неопределенности и стохастичности в своих базовых понятиях. Кроме того, необходимо понятия, привнесенные из смежных областей знания, детерминировать в целях правильного их применения. Интуитивно осознаваемые понятия в случае их экспликации позволяют включать их в контекст полноценной научной рецепции и в дальнейшем эффективно их использовать.

Несмотря на развитие современной лингвистической науки, экзегетика Священного Писания представляет собой достаточно консервативную область в плане методологии исследования. Первая причина этого – объект исследования, т.к. Священное Писание по теологическому определению является одновременно Словом Божиим и словом человеческим. Отсюда и обусловленность экзегетики конфессиональными теологическими положениями. Вторая причина обусловлена самими исследователями: насколько библеисты осведомлены о новейших лингвистических открытиях и готовы ли они к их апробации [Десницкий, 2007, 26]. В современном православном христианстве основным методом исследования такого специфического объекта является историко-филологический метод, который по сути является общей методологией анализа текста, совмещающей отдельные прикладные методы смежных наук. В этой связи необходимо понимать, что предлагаемые ниже примеры автором статьи не противопоставляются традиционной методологии, но включаются в ее контекст как составная часть общего семантического анализа.

В данной статье уделяется внимание теоретической сложности понятия «картина мира», которое является не только одним из ключевых терминов в когнитивной лингвистике [Маслова, 2011], но которое инкорпорировано в большую терминологическую парадигму других направлений лингвистики. Так как термин «картина мира» стал широко применяться в работах по толкованию текстов Библии, то, чтобы он стало полноценным понятием в экзегетике, необходимо уделить внимание его некоторым теоретическим аспектам.

Основная часть

Из истории языкознания известно, что идиоэтнический подход в анализе содержательной стороны языка был предложен Вильгельмом фон Гумбольдтом (1767 – 1835). С XVII века в европейской философии господствовал логический универсализм, который в грамматике Пор-Рояля получил свою лингвистическую форму. Ее сущность сводится к тому, что все люди

мыслят одинаковыми, универсальными суждениями и понятиями, т.е. внутренняя сторона одна и та же, а отличаются языки только своей внешней стороной, проявляющейся в процессе коммуникации. Доктор филологических наук В.П. Даниленко пишет, что «лингвистическая форма универсализма, как и его логическая форма до сих пор господствует в обыденном сознании» [Даниленко, 2011, 37]. Следует отметить, что В. Гумбольдт не отрицал универсализм в содержательной стороне языка, однако он смог увидеть в каждом языке отражение особого мировидения. Понятие «картина мира» логично появляется в работах его последователей из так называемой неогумбольдтианской школы. Немецкий языковед Лео Вайсгербер, виднейший представитель этой школы, на основе идей В. Гумбольдта и, позаимствовав из философии термин «картина мира», в дальнейшем разработал свою теорию языковой картины мира [там же, 38].

В. Гумбольдт, развивая свою теорию, говорил о внешней и внутренней форме языка. Внешняя форма связана со звуковым своеобразием языка, а внутренняя – с семантическим своеобразием. Именно внутренняя форма языка стояла в центре теоретических интуиций В. Гумбольдта. Так как в его понимании внутренняя форма интерпретируется как мировидение, заключенное в языке, то термины «внутренняя форма» и «языковая картина мира» следует рассматривать как синонимы [там же, 39]. Любой язык, с точки зрения немецкого языковеда, отображает мир с той точки зрения, с которой смотрел на мир народ, создавший данный язык. В языке отражается и объективная реальность, и субъективность восприятия мира со стороны носителей языка.

Выше отмечено, что В. Гумбольдт не игнорировал лингвистический универсализм. В его понимании универсальная сторона языковой картины мира сосуществует с идиоэтническим содержанием. Как отмечают исследователи, В. Гумбольдт исходил из приоритета универсального в языковой картине мира над идиоэтническим. В любом конкретном языке присутствует и язык вообще, который по определению может быть только одним так же, как есть только один человеческий род [там же]. Таким образом, исторически понятие «языковая картина мира» сформировано как двухкомпонентное понятие, а гипертрофия одного из компонентов предполагает неправильное постижение исследуемой языковой картины мира.

В направлениях современной лингвистики отмеченная выше «гипертрофия» в балансе универсального и идиоэтнического в языковой картине мира может составлять один из факторов, лежащих в основе формирования нового направления лингвистики. Однако лингвистическая концепция гумбольдтианства не является чем-то архаичным и составляет предмет только истории лингвистики. В современной лингвистике идеи В. Гумбольдта не утратили своей актуальности. Продолжают исследоваться как универсальная, так и идиоэтническая сторона языковой картины мира. Так известный лингвист Анна Вежицкая, которая хотя и является сторонником радикального универсализма, в своей теоретической позиции полностью разделяет гумбольдтианский подход: «... несмотря на наличие универсалий, в целом семантические системы, воплощенные в различных языках, уникальны и культуроспецифичны» [Вежицкая, 2011, 35].

Базовыми понятиями современной лингвистики можно считать концепт и концептосферу, как совокупность концептов, «из которых как из мозаичных кусочков, складывается полотно миропонимания носителя языка» [Маслова, 2011, 34]. Факт того, что содержательная сторона языка непосредственно связана с познавательной деятельностью человека давно стал аксиомой в лингвистике [Колшанский, 2010, 4]. Д.С. Лихачев в своей статье «Концептосфера русского языка» писал, что концептосфера образуется через совокупность потенций, открываемых в словарном запасе как отдельного человека, так и всего языка в целом. Отсюда прямая

зависимость богатства концептосферы от богатства культуры нации, ее истории и религии. Кроме того, существует много вариантов концептосферы национального языка, которые по-разному группируются и по-разному себя проявляют. Последнее обусловлено тем фактом, что концепты зависят от контекста, культурного опыта и культурной индивидуальности носителя языка [Лихачев, 1997, 153].

По причине сложности терминологической базы когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, ограничимся необходимым минимумом, позволяющим сформулировать герменевтические принципы для практического анализа языковой картины мира. Главной особенностью концепта считается то, что это – ментальное национально-специфическое образование. Концепт, по одному из определений Ю. С. Степанова, «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Чурилина, 2010, 242]. Планом содержания концепта является полная совокупность знания об объекте действительности, а планом содержания – совокупность языковых средств представленного языка. При этом к концептам относятся не любые понятия, а наиболее важные и релевантные в рамках изучаемой культуры [Маслова, 2011, 37]. Смысл и языковой материал сосуществуют в концепте «нераздельно и неслиянно» [Прохоров, 2009, 87], следовательно, главная задача исследователя должна будет заключаться в том, чтобы не упустить из поля зрения движение мысли, склонной к ассоциациям и скачкам, с одной стороны, и к представленной форме презентации концепта, с другой стороны.

Учитывая структурированность языка на уровне семантики, семиотики и концептосферы, лингвисты вводят понятие о семантическом пространстве, семиотическом пространстве и концептуальном пространстве языка. Семантическое пространство представляет совокупность базовых понятий в элементах языковой картины мира, которая определяется национально-культурной спецификой представленного этноса и представлена через призму ассоциативно-вербального компонента определенной языковой личности. Семиотическое пространство – это система правил и норм понимания, оценки и организации человеческого бытия. Это пространство, как знаковая система, относится к бытийно сложившимся правилам, которые регулируют человеческое существование и которые специфически представлены в разных языках. Что касается концептуального пространства, то это – совокупность исторически сложившихся базовых элементов организации человеческого бытия, что обеспечивает существование человека в реальном пространстве [там же, 102]. Для текстов, отражающих религиозную культуру общества, концептуальное пространство будет связано с менталитетом и духовным опытом народа, и этот опыт будет репрезентирован концептами, обладающими сакральным смыслом [Маслова, 2011, 34]. Следует учесть, что отсутствие языкового знака для вербализации концепта не утверждает реальности присутствия или отсутствия концепта в сознании человека. Причины вербализации концепта обусловлены коммуникативной функцией языка, т.е. востребованностью концепта для обмена информацией между говорящими [Попова, Стернин, 2010, 301]. Взаимодействие семантического, семиотического и концептуального пространств должно обеспечить форму и содержание коммуникации.

Для практического анализа важно понимать, как представленные пространства соотносятся с традиционно выделяемыми картинами мира. Следует сказать, что у исследователей нет единства в отношении понимания что есть «языковая картина мира». Не получив строгого терминологического значения, словосочетание «картина мира» иногда употребляется в качестве научной метафоры с размытым содержанием [Алефиренко, 2013, 124]. Несомненно, что данное понятие связано, прежде всего, с когнитивной составляющей, т.к. представляет собой результат отражения физической картины мира через призму сознания того или иного сообщества. Стоит

отметить, что некоторые лингвисты правомерно считают языковое сознание, лежащее в основе языковой картины мира (ЯКМ), спорной категорией и указывают на очевидные трудности ее исследования. Однако лингвисты сходятся во мнении, что ЯКМ имеет не только когнитивную, но также и семантическую и семиотическую природу, что несет в себе существенный интерпретационный потенциал. В конечном итоге «языковая картина мира» может пониматься как воспроизведение всеми возможными средствами языка предметов и явлений окружающей действительности.

Как синоним «языковой картины мира» в лингвистике часто используется термин «языковая модель мира». В данной статье не ставится цель полного терминологического описания этих понятий, однако следует учитывать, что модель всегда воспроизводит объект как некую схему. Если языковая картина мира – совокупность наивных знаний о мире, которые репрезентируются на различных уровнях языка, то языковая модель – результат процесса концептуализации категорий культуры. Получается, что языковая модель мира есть своего рода абстракция. Языковая картина мира создается посредством анализа языкового материала, и она вторична по отношению к языковой модели мира. Однако и то и другое описывается через концепт.

Классификация традиционных понятий «картина мира» может быть представлена следующими определениями:

Научная картина мира (НКМ) – инвариант научного знания человечества о мире на данном историческом этапе. Это результат отражения пространственно-временного континуума коллективным научным сознанием [Прохоров, 2009, 113. Если рассмотреть НКМ через призму конкретного национального языка науки, то получится национальная научная картина мира (ННКМ).

Языковая картина мира (ЯКМ) – результат отражения объективного мира обыденным языковым сознанием того или иного языкового сообщества. Тот же результат через призму сознания конкретного этноса формирует национальную языковую картину мира (НЯКМ). Что касается индивидуальной национальной языковой картины мира (ИНЯКМ), то это – отражение объективного мира обыденным языковым сознанием отдельного человека, являющегося носителем того или иного национального языка.

Для анализа библейских текстов наиболее актуальны последние три определения. Однако следует учитывать, что ряд исследователей считает, что просто языковой картины мира реально не существует. Это – некая абстракция, как и в случае понятия «языковая модель мира», о чем было сказано выше. Реально существуют и, как следствие, могут анализироваться языковые картины мира конкретных национальных языков, т.е. НЯКМ. Каждая НЯКМ отражает особое мировосприятие именно данного языкового сообщества. Не существует всеобщего обыденного знания о мире, которое с небольшими вариациями было бы отражено во всех языках. Таким образом, НЯКМ в Библии будет связана с ценностно-смысловым пространством представленных этносов, а ИЯКМ позволит перейти к изучению языковой личности, что представляет собой отдельный интерес современного языкознания [Чурилина, 2010, 207].

Из представленного теоретического материала можно выявить основные составляющие методики анализа языковой картины мира. Анализ должен включать традиционное описание семантического пространства языка, что подразумевает инклюзивность как семасиологического, так и ономазиологического методов исследования. Необходимо обратить внимание на семиотическую составляющую языкового материала, а также выявить специфику концептуального пространства языка. При этом следует учитывать, что взаимодействие перечисленных пространств в тексте часто представляется как динамический процесс, в рамках

которого существует определенная экзегетическая проблема. Выявление составляющих этого процесса, позволит, по нашему мнению, подвести лингвистическую базу к решению таких проблем. Совокупность отдельных составляющих, выявленных в процессе анализа языковых фактов, позволит иметь представление о более или менее четкой языковой картине мира.

В тексте ниже будет показан пример анализа языковой картины мира по изложенной методике. Следует учитывать, что целостное описание языковой картины мира – сложное и объемное исследование, поэтому нами выбраны отдельные элементы этой картины, которые наиболее актуальны в рамках экзегетических исследований и в достаточной степени наглядно демонстрируют наше видение представленной методики анализа.

Евангельский отрывок об исцелении прокаженного в синодальном тексте представлен следующим образом: «Когда Иисус был в одном городе, пришел человек весь в проказе и, увидев Иисуса, пал ниц, умоляя Его и говоря: «Господи! Если хочешь, можешь меня очистить». Он простер руку, прикоснулся к нему и сказал: «Хочу, очистишься». И тотчас проказа сошла с него (Лк. 5: 12 – 14)».

Евангелист, описывающий данную ситуацию, находится в той картине мира, которая типична не только для автора, но и для участников события. Семантическое пространство функционирует без катаклизмов: участники коммуникации говорят на одном языке и в единой фигуре действительности. Проблем с пониманием слов контекст не имеет. Ряд стилистических фигур речи находятся во взаимосвязи с семиотическим пространством языка. Например, фигура нарастания, на которую почему-то не обращают внимания экзегеты, используется евангелистом для усиления выразительности речи и отражает его положительную реакцию на результат совершенного чуда. Нарастание на лексико-грамматическом уровне начинается с градации слов прокаженного, в которых выражена последняя надежда на исцеление, далее фигура усиливается градацией ответных действий Иисуса, затем еще в более эмоциональном ответе-реакции «хочу, очистишься». Наконец, высшая ступень фигуры – комментарий автора отрывка: «И тотчас проказа сошла с него», где ремой высказывания является обстоятельство времени «тотчас». На наш взгляд, в соответствии с выявленной авторской коммуникативной стратегией данное высказывание в современных переводах должно заканчиваться восклицательным знаком.

Содержательная сторона речи автора (его оценочная эмоция о чуде исцеления) взаимодействует с семиотическим пространством в контексте отношения религиозного общества к прокаженным. Евангелист Лука вводит в семантическое пространство две важных фразы: «в городе» и «весь в проказе». На первый взгляд, при функционально-семасиологическом подходе в анализе данного отрывка (с точки зрения читающего, когда анализ идет от языковой формы к внеязыковому содержанию) исследователь может встретить противоречие, касающееся правил запрета для прокаженных находиться в людском обществе. Вероятно, что евангелист Лука посредством этих фраз хотел ярче передать глубину смысла контекста. Исходя из этого, следует внимательнее анализировать семиотику религиозных постановлений Ветхого Завета. Как известно, книга Левит предписывает священнику человека, полностью покрытого проказой, объявлять чистым (Лев. 13:13). Таким образом, отмеченное противоречие является мнимым и непонятным только для человека с другой картиной мира, а фразы «в городе» и «весь в проказе» должны служить опорой для других возможных интерпретаций.

Описанный элемент семиотического пространства не следует ограничивать только ссылкой на заповедь Закона. В теоретическом обосновании говорилось о существенном интерпретационном потенциале в процедуре анализа языковой картины мира. В разбираемой

ситуации понятно, что участники коммуникации, включая автора текста, знакомы с заповедью о прокаженном (Лев. 13:13), потому что их жизнь протекает в полном соответствии с такой сложившейся системой правил. Если попытаться дальше анализировать данный элемент языковой картины мира, то оставшееся пространство лежит в области концептосферы носителей языка. Концептуальное пространство Иисуса и других участников коммуникации не совсем совпадает. Спаситель как-бы по-новому раскрывает концепт «любовь» и переформатирует отношение к прокаженным в семиотическом пространстве. Важно понять, что человек полностью покрытый проказой обречен, и его скорый конец – смерть. Несомненно, что случаи исцеления имели место в истории израильского народа, но это было невероятной редкостью. Смертельная болезнь всегда наводила ужас и, несмотря на заповедь Закона, в израильском обществе отношение к прокаженным было отрицательным. Спаситель пришел не нарушить заповедь, но исполнить (Мф. 5:17), следовательно, данная заповедь (Лев. 13:13), а, равно как и само исцеление прокаженного (Лк. 5:14), входит в поле концепта «любовь». Экзегетически это означает, что в последние месяцы и дни своей жизни прокаженный мог вернуться в свой дом, а родные могли лучше позаботиться о нем и, в случае смерти, достойно его похоронить. В нашем случае это и есть искомый элемент НЯКМ.

Представленный отрывок содержит еще несколько важных особенностей языковой картины мира. В словах прокаженного, семиотическое пространство обозначено через ряд традиционных символов. Во-первых, символическое действие «падать ниц» до позднего средневековья выражало степень глубокой покорности и почтения. Несомненно, что символ как выразительное средство может утрачивать первоначальное содержание [Горбунов, 2016, 511], но в библейском дискурсе данный символ имеет стабильную семиотику и легко прочитывается. Символическую природу также имеет выражение «если хочешь, можешь меня очистить», так как это предложение, поставленное в форме реального условия, является продолжением коммуникативного акта говорящего, надеющегося на исцеление. Другими словами, евангелист повествует о цепочке символических, физических и речевых, действий, которые формируют целостный акт поведения (стратегию), основанный на семиотической составляющей религиозно-национальной культуры Израиля. Этот элемент и следует считать составляющей НЯКМ.

В добавление к сказанному можно указать на ответное символическое действие Иисуса – «прикоснулся к нему». Из теории символа известно, что это – знак особого рода, который обладает свойством иконичности, т.е. служит посредником между семиотической и внесемиотической реальностью [там же, 508]. В данном случае действие Спасителя, функционирующее в семантическом пространстве, наглядно подтверждает семиотику отношения к прокаженному, заповеданную Богом. Прокаженный оказывается чистым, и подтверждением этого служит представленное символическое действие. Кроме того, данный символ и описанная полевая семантическая структура несомненно пересекаются с концептуальным пространством, репрезентируя концепт «Бог».

Заключение

Концептуальное пространство данного отрывка актуализируется, исходя из лежащей в семантической области парадигме: «Иисус исцеляет от неизлечимой болезни». Несомненно, что данное высказывание репрезентирует концепт «Бог», как и в рассуждении выше, но в содержании этого высказывания есть и некоторые дополнительные особенности. Действительно, денотативное значение еврейского имени собственного «Иисус» – «Спаситель».

Совершенное исцеление, понимаемое как избавление от страданий и близкой смерти, на семантическом уровне можно описать полевой структурой со своим ядром («Спаситель»), и периферией (т.е. Его действия: «прикоснулся», «сказал», «хочу»), а также Его дополнительные именованья («Он», «Господь»), которые лучше отнести к ближайшей к ядру периферии. В итоге, можно говорить о взаимодействии всех трех пространств: семантического, семиотического и концептуального. Семантическое пространство стилистически окрашено, т.к. имя «Спаситель» и Его действие «исцеление, спасение» в содержательном плане образуют рефрен. Семиотическое пространство описывает реальность присутствия Бога в бытии еврейского народа, а концептуальное пространство репрезентирует особенности концептов «Любовь», «Бог».

В заключение следует сказать, что понятие «языковая картина мира», разработанное в рамках лингвистических направлений, можно считать актуальным понятием для экзегетических исследований. Несомненно, что для полного отражения картины мира, представленной в тексте, необходимо целостное исследование, однако в экзегетических целях для более глубокого понимания исходного языкового материала можно говорить о языковой картине мира в узком контексте, что и было продемонстрировано на отдельном примере.

Библиография

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2013. 288 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами и приложениями. М.: Российское Библейское Общество, 2008. 1312 с.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.
4. Горбунов С.Н. Символ и метафора как выразительные средства в текстах Священного Писания: структурно-семантические особенности // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2016. Вып. 14. С. 507-520.
5. Даниленко В.П. Методы лингвистического анализа. М.: Флинта, 2011. 280 с.
6. Десницкий А.С. Введение в библейскую экзегетику. М., 2011. 413 с.
7. Десницкий А.С. Поэтика библейского параллелизма. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. 554 с.
8. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Либроком, 2010. 152 с.
9. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. М., 1997. С. 147-165.
10. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2011. 296 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. 314 с.
12. Прохоров Е.Ю. В поисках концепта. М.: Флинта, 2009. 176 с.
13. Чурилина Л.Н. Актуальные проблемы современной лингвистики. М.: Флинта, 2010. 416 с.

The specific features of the definition “Language Picture of the World” in the exegetics of the Holy Scripture

Sergei N. Gorbunov

Master of Theology,
Senior Lecturer,

Department of Biblical Studies, Theology and Philosophy,
Nizhny Novgorod Theological Seminary,

603001, 5, Pokhvalinskii S"ezd str., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: ua3tjc@mail.ru

Abstract

The research presented in the article deals with one of the essential definitions in the modern studies of the Bible. So far as the term “language picture of the world” is of much use in linguistics, the article pays attention to the linguistic aspects of the term. The author of the paper explains the history of its origin and shows how the definition was developed within the modern approaches of the cognitive linguistics. The functional component of the language picture of the world is of much interest in the article as well. There is a broad paradigm of the explanations of the language picture of the world so the author chooses the essential ones that can be effective for exegetical studies. In the article it claims that the definition is very perspective for Biblical studies because the texts of the Holy Scripture reflect the language picture of the world by means of the interaction of the three main spaces. They are semantic space, semiotic space and conceptual space which are specific in themselves and which can be analyzed with applied linguistic methods. As an example, the miracle of the healing of the leper performed by Jesus is analyzed in this research.

For citation

Gorbunov S.N. (2021) Spetsifika ponyatiya «yazykovaya kartina mira» v ekzegetike Svyashchennogo Pisaniya [The specific features of the definition “Language Picture of the World” in the exegetics of the Holy Scripture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (4A), pp. 94-102. DOI: 10.34670/AR.2021.35.60.013

Keywords

Picture of the world, language picture of the world, cultural linguistics, idioethnic approach, semantic space, semiotic space, conceptsphere, concept of “love”, symbol, the healing of the leper.

References

1. Alefirenko N.F. (2013) *Lingvokul'turologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguoculturology. Value-semantic space of language]. Moscow: Flinta Publ.
2. (2008) *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta v russkom perevode s parallel'nymi mestami i prilozheniyami* [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments in Russian translation with parallel passages and appendices]. Moscow: Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo Publ.
3. Churilina L.N. (2010) *Aktual'nye problemy sovremennoi lingvistiki* [Actual problems of modern linguistics]. Moscow: Flinta Publ.
4. Danilenko V.P. (2011) *Metody lingvisticheskogo analiza* [Linguistic analysis methods]. Moscow: Flinta Publ.
5. Desnitskii A.S. (2011) *Vvedenie v bibleiskuyu ekzegetiku* [An introduction to biblical exegesis]. Moscow.
6. Desnitskii A.S. (2007) *Poetika bibleiskogo parallelizma* [Poetics of Biblical Parallelism]. Moscow: St. Apostle Andrew Theology Institute.
7. Gorbunov S.N. (2016) Simvol i metafora kak vyrazitel'nye sredstva v tekstakh Svyashchennogo Pisaniya: strukturno-semanticheckie osobennosti [Symbol and metaphor as expressive means in the texts of Holy Scripture: structural and semantic features]. *Trudy Nizhegorodskoi dukhovnoi seminarii* [Proc. of the Nizhny Novgorod Theological Seminary], 14, pp. 507-520.
8. Kolshanskii G.V. (2010) *Kontekstnaya semantika* [Context semantics]. Moscow: Librokom Publ.
9. Likhachev D.S. (1997) Kontseptosfera russkogo yazyka [The concept sphere of the Russian language]. In: *Russkaya slovesnost': ot teorii slovesnosti k strukture teksta* [Russian literature: from the theory of literature to the structure of the text]. Moscow.
10. Maslova V.A. (2011) *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow: Flinta Publ.
11. Popova Z.D., Sternin I.A. (2010) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok – Zapad Publ.
12. Prokhorov E.Yu. (2009) *V poiskakh kontsepta* [Looking for a concept.]. Moscow: Flinta Publ.
13. Vezhbitskaya A. (2011) *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty* [Semantic universals and basic concepts]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.